

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 72.06:72.033(495)"04/07"

DOI: 10.24412/1998-4839-2026-2-32-51

EDN: AOGAGC

CC BY-NC-SA 4.0

Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть IV. Ранняя Византия**Михаил Юрьевич Веденёв^{1✉}, Николай Леонидович Павлов²**^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия¹m.vedenev@markhi.ru ²pavlovn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сакральный и технический аспекты архитектурной деятельности в Ранней Византии – Восточной части Римской империи, сохранившей вплоть до VII века атрибуты культуры, позволяющие относить ее к Античности. VII век в Византии – рубеж, когда практически прекращается новое строительство и, соответственно, воспроизводство античной архитектурной традиции. Ранняя Византия – это время обобщения и систематизации накопленного античного наследия во всех сферах жизни византийского общества. Художественное выражение такого обобщения в архитектуре – постройка в VI веке собора Святой Софии Константинопольской. Другая сторона, характеризующая эту эпоху, выражена в систематизации римского законодательства императором Юстинианом и в книге Юлиана Аскалонита «О законе и обычаях Палестины», представляющей собой первый известный нам архитектурный трактат по юридическим вопросам, воспринятый впоследствии русским градостроительным законодательством в виде ряда последовательных изданий «Кормчей книги», начиная с X века.

Ключевые слова: очаг, полис, город, механик, архитектор, статус архитектора, статус заказчика

Для цитирования: Веденёв М.Ю. Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть IV. Ранняя Византия / М.Ю. Веденёв, Н.Л. Павлов // Architecture and Modern Information Technologies. 2026. № 2(75). С. 32-51. URL: https://markhi.ru/AMIT/2026/2kvart26/PDF/02_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2026-2-32-51 EDN: AOGAGC

THEORY AND HISTORY OF ARCHITECTURE

Original article

Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part IV: Early Byzantine period**Mikhail Yu. Vedenev^{1✉}, Nikolay L. Pavlov²**^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia¹m.vedenev@markhi.ru ²pavlovn@mail.ru

Abstract. This article examines the sacred and technical aspects of architectural practice in Early Byzantium, the eastern part of the Roman Empire, which retained cultural attributes that allow it to be classified as Late Antiquity until the 7th century. The 7th century marks a turning point in Byzantium when new construction and, consequently, the classical architectural tradition virtually ceased. Early Byzantium is a time of generalization and systematization of the accumulated classical heritage across all spheres of Byzantine society. The artistic expression of this

^{1,2} © Веденёв М.Ю., Павлов Н.Л., 2026

generalization in architecture is the construction of Hagia Sophia in Constantinople in the 6th century. Another aspect characteristic of this era is expressed in the systematization of Roman legislation by Emperor Justinian and in Julian of Ascalon's book "On the Laws and Customs of Palestine," the first known architectural treatise on legal issues, which was later adopted by Russian urban planning legislation in the form of a series of successive editions of the Nomocanon, beginning in the 10th century.

Keywords: fireplace, polis, city, mechanic, architect, architect's status, project owner's status

For citation: Vedenev M.Yu., Pavlov N.L. Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part IV: Early Byzantine period. Architecture and Modern Information Technologies, 2026, no. 2(75), pp. 32-51. Available at:

https://marhi.ru/AMIT/2026/2kvart26/PDF/02_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2026-2-32-51 EDN: AOGAGC

Введение

После падения Западной Римской империи в 476 году античная цивилизация продолжила свое существование в Восточной части Римской империи, сконцентрировавшись вокруг «Нового Рима» – Константинополя. М.Я. Сизюмовым была разработана концепция континуитета Византии по отношению к Римской империи: в своей сущности, Византия представляла собой результат непрерывного развития Римской империи в новых условиях. Однако, поскольку предметом цикла наших статей является рассмотрение сакрального и технического аспектов архитектурной деятельности в Древности, мы должны будем остановить наше исследование на том историческом периоде в существовании Византии, который можно отнести к поздней Античности.

В отечественной литературе отмечается, что в промежуток с IV по VI век Восточная часть Римской империи превратилась в Византийскую империю [1, с.9]. В научных работах применительно к этому времени встречается удачный термин – «христианская античность» [2], который характеризует данную эпоху как период утверждения христианства на фундаменте античной культуры. Так, например, богослов IV века Лактанций в работе «Божественные установления» рассматривает Четвертую эклогу Вергилия как пророчество о рождении Христа³. Император Юстиниан в Конституции «*Omnes*», обращенной к преподавателям права в связи с завершением работы над «Институциями» и «Дигестами» – составными частями знаменитой кодификации римского права, ссылается на Гомера⁴. Архитектор Исидор Милетский работает над комментариями к сочинениям Архимеда [4, с.30].

Непрерывное воспроизводство античной культуры прекращается в середине VII века с упадком городов – ключевого явления этого позднейшего периода Античности. Сокращение городского населения и увеличение сельского с неизбежностью повлекли за собой трансформацию культуры. В области архитектурной деятельности это привело к практически полному прекращению нового строительства. Усилия заказчиков сконцентрировались на поддержании приемлемого состояния уже построенных зданий. Стала прерываться цепочка непрерывной трансляции знаний – от одного мастера к другому. Одно из свидетельств такого разрыва – возникновение необходимости пригласить иностранного архитектора – зодчего Трдата из Армении для восстановления упавшего в 989 году купола Святой Софии Константинопольской⁵.

³ Agapitos P.A., Kazhdan A., Cutler A. Vergil // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 2160.

⁴ «...в ваше время случилось такое изменение законов, которое у отца всякой добродетели Гомера совершают между собой Главк и Диомед, разменивая несходное: «(Доспех) золотой свой на медный, оцененный в сотню быков на стоящий девять». Источник: [3].

⁵ Далее собор Святой Софии Константинопольской, освященный 27 декабря 537 года, мы будем именовать по тексту Святой Софией (*Ἁγία Σοφία*). Следует отметить, что такое именование

Редакция Оксфордского словаря Византии 1991 года, руководителем которой был выдающийся советский ученый-византист А.П. Каждан, обозначает период с IV по начало или середину VII века как позднеримский или позднеантичный, период с VII века и далее – как византийский⁶. Основываясь на этой периодизации, мы обозначим VII век как окончание Античности и, соответственно, будем использовать его в качестве верхнего хронологического предела нашего исследования.

1. Сакральный аспект архитектурной деятельности в Ранней Византии

Христианство, пришедшее на смену язычеству и вместе с тем включившее в себя его отдельные элементы, стало причиной удивительного переворота культуры: прежние, успевшие наскучить идеи (как это показала неудача императора Юлиана, попытавшегося возродить язычество) вошли в состав нового учения, интерес к которому оказался настолько жгучим, что вызывал даже беспокойство церковных руководителей⁷. Бурные споры, многочисленные ереси – все это появилось в Восточной части Римской империи вполне в русле древнегреческой повседневности, когда разные философские школы соперничали друг с другом и вели непрекращающиеся дискуссии⁸. В Западной части империи, в силу собственно римской традиции, интерес к философским и богословским спорам был несоизмеримо ниже, что способствовало созданию единой Римско-католической церкви как строгой централизованной системы. Восточное православие, напротив, базировалось на начале соборности, в котором можно усмотреть следование древнегреческим традициям народного собрания – проведению коллективных обсуждений наиболее важных вопросов полисной жизни.

Как известно, ключевым понятием античной Греции было понятие полиса – замкнутой территориальной общины. Идеализированный вариант полиса описан стоиками как единая гражданская община богов и людей (*κοσμοπολίται*), объединенных общим гражданством в разуме и управляемых всеобщим законом природы [6]. Античная идея единого полиса богов и людей встретила с утверждением Христа «Царство мое не от мира сего»⁹ и потому трансформировалась в концепцию «Града небесного». Начало этой концепции было положено апостолом Павлом¹⁰, а ее наиболее известная и развернутая трактовка принадлежит блаженному Августину – автору знаменитого сочинения «О граде Божием»¹¹. Идущая отсюда идея единства христианского Бога и приверженных ему людей стала основой для еще одной концепции, впоследствии ставшей идеологической основой Византии – симфонии Церкви и государства.

Материальным воплощением этой симфонии становились монастыри, сочетавшие в себе функции духовных центров и, наряду с этим, военных укреплений. Показателен случай, когда крепость Нессана в пустыне Негев в конце VI – начале VII века была преобразована

получили многочисленные церкви Византии и соседних государств, в частности – знаменитые София Киевская и София Новгородская.

⁶ Kazhdan A. et al. The Editorial Board's Preface to The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. x.

⁷ «См., например, жалобы святителя Григория, епископа Нисского: «Все полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, – улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить обол, – философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене на хлеб – отвечают: "Отец больше Сына"; справишься, готова ли баня», – говорят: "Сын произошел из ничего"». Источник: [1, с.13].

⁸ По замечанию С.С. Аверинцева, история античной философской традиции – тысячелетие споров. Источник: [5, с.56].

⁹ Евангелие от Иоанна, 18:36.

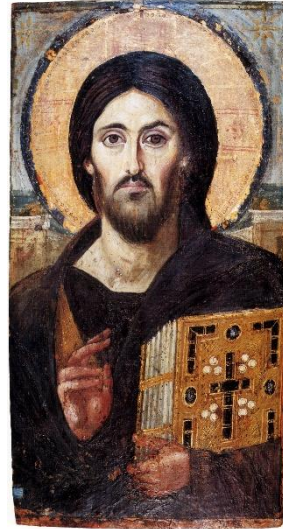
¹⁰ «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Послание апостола Павла к евреям, 13:14).

¹¹ «Ибо град святых есть град вышний, хотя он и здесь рождает своих граждан, в лице которых странствует, пока не наступит время его царства, когда соберет он всех воскресших с их телами и когда последним дано будет обетованное Царство, в котором они будут со своим Главою и Царем царствовать вовеки». Источник: Аврелий Августин (Блаженный). Творения: в 4 т. Т. 4. О граде Божием. Санкт-Петербург: «Алетейя», 1998. С. 51-52.

в монастырь¹². Вместе с тем, известен пример, когда монахи самостоятельно строили оборонительные сооружения по собственной инициативе [7, с.227]. Однако, если в Древнем Риме политическая власть вторгалась в религиозное пространство (пример тому – Гай Юлий Цезарь, имевший сан верховного понтифика), то в Ранней Византии, напротив, христианская религия устремляется в сферу государственного управления. Художественные свидетельства такого устремления – мозаика VI века в апсиде церкви *Παναγίας της Αγγελόκτιστης* (Богоматерь Ангелозданная), на которой архангелы вручают Богоматери атрибуты государственной власти – скипетр и державу (рис. 1а), а также икона Иисуса Христа – Пантократора (*παντοκράτορος* – всевластный) из монастыря Неопалимой Купины (позднее известного как монастырь святой Екатерины на Синае) (рис. 1б), на которой он предстает в образе императора, будучи облаченным в пурпурную одежду, держа в руках книгу, украшенную драгоценностями, и восседадая в экседре.

а)

б)

Рис. 1. Репрезентация символики государственного управления в христианской традиции: а) мозаика в церкви *Παναγίας της Αγγελόκτιστης* (деревня Кити, остров Кипр, VI век); б) Пантократор – икона Иисуса Христа, датируемая VI-VII веками из монастыря Неопалимой Купины (позднее известного как монастырь святой Екатерины на Синае)

Как мы отметили ранее, воспроизводство античной культуры прекращается в середине VII века с упадком городов. Формы этого упадка были многообразны. Христианство с установлением единобожия разрушило идеологическую обособленность полисов (так, например, покровительницей Антиохии считалась Тихе, покровителем Александрии – Серапис, покровителем Рима считался Марс). Идеологическая обособленность теперь могла находить выражение в ересь, которые по своему существу не могли принадлежать отдельному городу, а охватывали целый регион. Так, Сирия и Египет были склонны к монофизитству, Иран – к несторианству, в западных провинциях было распространено арианство. Принадлежность к халкидонскому исповеданию в Иране воспринималась как приверженность Константинополю («вера кесаря Ираклия») [8, с.248]. Религия стала частью уже не полисного, а государственного самосознания.

Политическая самостоятельность полисов была утрачена по мере сокращения полномочий городских советов, начавшегося при императоре Константине Великом и, впоследствии, полного упразднения городских советов при императоре Анастасии I и передачи городского самоуправления в ведение епископа и крупных землевладельцев

¹² Mango M.M. Nessana // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 1458.

(VI век). В 568 году епископ и крупные землевладельцы получили полномочия совместно ходатайствовать о назначении высших должностных лиц провинций [8, с.58]. К VII веку города утрачивают контроль над прилегающими к ним деревнями. Автономия деревень возросла настолько, что за их объединениями был признан самостоятельный налоговый и юридический статус¹³.

По мере изменения уклада жизни снижалась востребованность античных общественных построек. Строительство зданий на агорах (форумах) было запрещено императорской конституцией 383 года, вошедшей впоследствии в Кодекс Феодосия 438 года¹⁴; тем не менее, процесс застройки площадей и улиц со временем только интенсифицировался. Пространства античных улиц и площадей стали заполняться некачественными торговыми постройками, в особенности – в VI веке¹⁵. В VII веке происходит сильнейший упадок большинства городов: масштабы деятельности ремесленников значительно сокращаются, город превращается в сельскохозяйственный центр. Один из примеров такого рода трансформации – город Ромулиана в современной Сербии, последним монументальным сооружением которого стала базилика VI века; в VII веке местность Ромулиана из городской превратилась в сельскую¹⁶. Античные монументы на улицах города перестали восприниматься населением в их подлинном смысле – латинские надписи на них оказались доступными для понимания только немногочисленным образованным людям, называемым «*философам*»¹⁷. К VII веку церковь полностью запретила театральные постановки – здания театров оказались заброшенными. Пришедшие в запустение общественные здания стали разбирать на стройматериалы. Вошли в употребление так называемые споллии (*spolia*), выразившиеся в использовании элементов античных зданий для новых построек.

Вместе с тем, как мы отметили ранее, наряду с вытеснением язычества христианством, шел и обратный процесс: встраивание элементов древнегреческих и древнеримских культов в христианскую практику по мере вовлечения в нее все большего числа приверженцев. Этот процесс начался сразу же после утверждения христианства при императоре Константине, когда его мать, Елена, приняла активное участие в создании культа святых мест, на которых произошли значимые евангельские события, – Голгофа, Вифлеем, Елеонская гора. На всех названных местах были построены церкви. Почитание святых мест было характерным явлением для язычества; примеры тому – священная гора Олимп, священное озеро на Делосе, священная роща в Риме.

Частью христианской практики стали и элементы религии очага – неотъемлемой принадлежности Античности. Священный огонь храма Весты был погашен в Риме только в конце IV века при императоре Феодосии Великом. Круглый италийский храм развился из деревянного, а позднее – из каменного ограждения вокруг священного огня Весты (рис. 2) [9]. В христианстве круглый храм превратился в мавзолей с саркофагом святого в центре.

Трансформацию древнего культа огня в пространстве здания мы видим уже на примере Пантеона, в котором огонь очага, посвященного Весте, преобразовался в световой столб. Пантеон стал символом наступления новой эпохи в античной архитектуре, когда акцент с внешнего образа здания был перенесен на интерьер. Не последнее слово в этом процессе сыграла все возрастающая стесненность застройки Рима.

¹³ Bartutis M.C. Village community // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 2168.

¹⁴ Johnson M.J. Agora // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 38.

¹⁵ Foss C.F.W., Cutler A. Cities // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 465.

¹⁶ Kolarik R.E., Kazhdan A. Gamzigrad // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 821.

¹⁷ Mango C. Constantinople, monuments of // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 518.

Рис. 2. Храм Весты (предположительно, после реконструкции III в. н.э.). Пространство между колоннами закрыто металлической решеткой

По образному выражению Н.И. Брунова, храм Святой Софии представляет собой купол Пантеона, водруженный на базилику Максенция [10]. Нельзя не отметить, что в куполе Святой Софии, на том месте, которое в Пантеоне занимает окулос, был помещен большой крест в медальоне¹⁸, представляющий собой небесную власть Бога, простирающуюся на все четыре стороны света. В других случаях из люнета купола – бывшего окулоса – в храм смотрел сам Христос-Пантократор. Павел Силенциарий, описавший в стихах Святую Софию в том состоянии, в каком она была в 562 году, сравнивает купол храма со светлым небом:

*«Купол возносится ввысь, повиснув на воздухе зыбком,
Круглый, как будто вращается он и видом подобен
Светлому небу, — вот так небосвод покрывает всю землю»* [11, с.85].

Равным образом и Прокопий Кесарийский, описывая купол Святой Софии, сравнивает его с «золотым полушарием, спущенным с неба»¹⁹.

Далее читаем у Павла Силенциария:

*«Златоукрашенный свод искрится мелкой мусией
И наполняет чертог сияньем ее золотистым.
Скачущий луч, попадая в глаза, слепит нестерпимо.
Скажешь: то сам Фазтон явился порою весенней
И в полуденный час золотит окрестные скалы»* [11, с.86].

Данный отрывок также свидетельствует о небесной ориентации устройства купола Святой Софии. В таком контексте представляется справедливым судить о храме Святой Софии во вполне античном ключе – как о храме божественного огня и света. Задачей многочисленных золотых мозаик и световых окон было передать эти два взаимосвязанных начала. По Проклу Диадоху, современнику II и III христианских Вселенских соборов, огонь – это отображение ума [12]. По мнению Прокла, золото зарождается от небесных богов, и принадлежит Солнцу [12]. Уподобление и даже отождествление Бога со светом – одна из важнейших идей в христианстве, которую мы встречаем как на страницах Евангелия от

¹⁸ Mango C. Hagia Sofia in Constantinople // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 894.

¹⁹ Прокопий Кесарийский. О постройках. Перевод С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. № 4(9). 1939. С. 210.

Иоанна²⁰, так и в Символе веры (Никейском)²¹. Прокопий Кесарийский пишет о Святой Софии, что этот храм «во всех своих частях, в надлежащей мере являясь более пышным, чем обычно, и более гармоничным, чем можно ожидать от такой громады, наполнен светом и лучами солнца»²². Следует также отметить, что в своем сочинении «О постройках» Прокопий говорит о золотой отделке исключительно храмов, а не каких-либо других зданий. По Прокопию, были украшены золотом храмы Святой Софии, Иоанна Крестителя, Анфимия, Петра и Павла, Сергия и Вакха²³.

В описании кивория над престолом Святой Софии, сделанном Павлом Силенциарием [11, с.87], нельзя не обратить внимание на трехкратное упоминание о «четырёхугольниках» в его составе. Киворий храма Святой Софии был квадратным в плане. По наблюдению одного из авторов данной статьи, православный алтарь, именуемый престолом, очень близок по форме к античному алтарю – своим кубическим ядром, что отличает его от католических алтарей, прямоугольная форма которых восходит к богослужениям в катакомбах, на гробах мучеников и других святых [13].

Вместе с тем, представляется, что следование античной традиции в ранневизантийской архитектуре было явлением, обусловленным наличием внутреннего конфликта в самом христианстве, когда из преследуемой Древним Римом религии оно превратилось в государственную религию Нового Рима.

На протяжении первых веков христианства последовательно проводилась мысль об отказе от строительства святилищ, специально приспособленных для христианского культа. Евангельская история говорила о том, что Иисус Христос постоянно странствовал – «не имел, где приклонить голову»²⁴. Блаженный Августин в цитате, на которую мы ссылались выше, упоминает град вышний, странствующий по земле в лице своих граждан. Иустин Философ (христианский писатель II века) прямо отвергает возможность строительства каких-либо святилищ для христиан, ссылаясь на то, что сама Вселенная не может вместить в себя Бога²⁵. Однако, с принятием Миланского эдикта в 313 году какие-либо ограничения на проведение христианских богослужений были отменены, и церковь столкнулась с необходимостью принять в свои ряды большое число новых верующих.

Церковь первых веков христианства – это церковь собраний, которые теперь, по причине значительного увеличения количества участников, не могли организовываться в прежних, стесненных пространствах. Новые архитектурные формы, вдохновленные христианской идеологией, не могли появиться немедленно – для этого требовалось становление собственной школы из числа архитекторов-христиан. Античным зданием для проведения собраний, сменившим греческие залы городского собрания, было римское здание суда – базилика. Именно базилика лучше всего отвечала требованиям к функционалу храма-собрания, в котором нуждалась обретающая многочисленную паству церковь.

Практика уничтожения языческих святилищ и строительства на их месте христианских храмов, представляющая по своему существу отрицание античного наследия, не могла не вызвать стремления продемонстрировать торжество христианства в материальных формах. Данная задача была успешно решена уже в VI веке – Собор Святой Софии

²⁰ «Веруйте в свет, да будете сынами света» (Евангелие от Иоанна, 12:36).

²¹ «Света от Света, Бога истинного от Бога истинного» (Символ веры, 2).

²² Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 209.

²³ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 215, 218, 220.

²⁴ Евангелие от Матфея, 8:20.

²⁵ «Думаете ли вы, что мы скрываем предмет нашего богопочитания, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек, правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не может вместить Его? И если я, человек, люблю жить просторно, то как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо? Не лучше ли содержать Его в нашем уме, святить Его в глубине нашего сердца?» Источник: [14, с.133].

величием своего силуэта, великолепием интерьера, технической сложностью исполнения значительно превосходил все предыдущие постройки Римской империи (рис. 3).

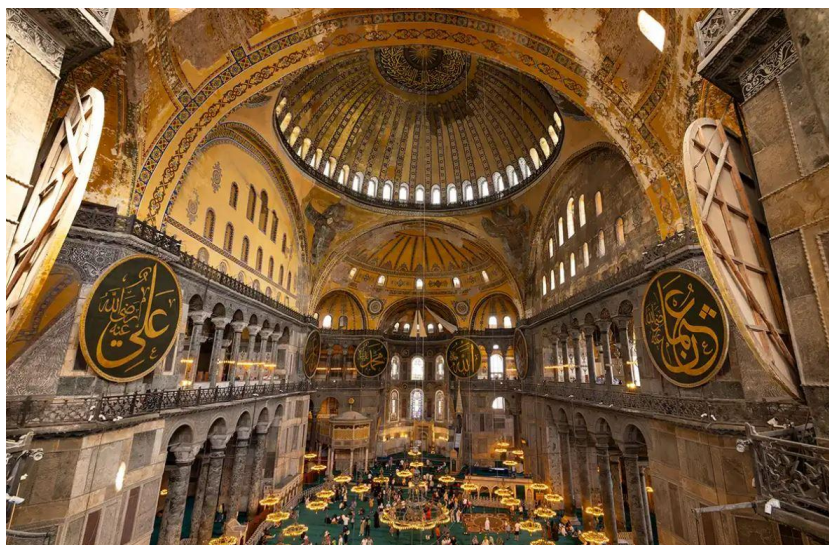

Рис. 3. Интерьер Святой Софии. Современное состояние

Однако, этот храм, представляющий собой видимый триумф христианства, был все же слишком уникальным, чтобы стать прототипом для повсеместного воспроизводства²⁶. Кроме того, в силу отмеченных выше особенностей, Святую Софию можно считать последним великим зданием уходящей Античности, в котором отразились следы древнеримской религии очага и устройства древнегреческого алтаря.

Идейные и символические толкования литургии и здания церкви оформляются только в конце VI – начале VII века. Требованиям установившейся восточно-христианской литургической практики наилучшим образом отвечали крестово-купольные храмы [26], которые начали выдвигаться на первый план византийского церковного зодчества в VI веке и впоследствии стали основной архитектурной формой православных церквей.

В античной традиции Древней Греции и Древнего Рима, как это было показано в наших предыдущих статьях, архитектурная деятельность в конечном итоге была полностью десакрализована. Слабые предпосылки к сакрализации профессии архитектора имели место в неоплатонизме, которого придерживались знаменитые отцы Церкви, такие как Василий Великий или Григорий Богослов. Библейский Творец стал наделяться чертами Демиурга из философского мифа Платона [4, с.50]. Василий Великий уподоблял созданный Богом мир великому храму²⁷. Отголоском античных представлений о богине-покровительнице мудрости и зодчества Афине можно считать образ Святой Софии-Премудрости Божией, воплощенный в главном храме империи и в иконографии²⁸ (рис. 4).

²⁶ В романском зодчестве Западной Европы до нас дошли только отдельные примеры построения базиликальных структур с двумя апсидами по торцам.

²⁷ «Не обступим ли... сию великую и полную разнообразия художественную храмину Божия создания, и, востекши каждый своей мыслью ко временам давним, не будем ли рассматривать украшение вселенной?». Источник: [14, с.140].

²⁸ Образ Софии-Премудрости, почитаемой в ее доме, выводился из книги Притчей Соломоновых, 9:1: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его». На приведенной на рис. 4 фреске женщины в античных одеждах прислуживают Премудрости, восседающей в центре за письменным столом. За спиной Премудрости – здание, стоящее на семи опорах, выполненных в коринфском ордере. Предположительно, данная фреска XIV века – репродукция предшествовавших изображений, существовавших в церкви VI века, на месте которой в XIV веке был построен монастырь Грачаница.

Рис. 4. «Премудрость создала себе храм». Фреска монастыря Грачаница, Сербия, ок. 1321 г.

В реальности, в большинстве случаев греческое наследие и в идеологии, и в архитектурной практике оказалось скрытым за куда более сильной римской традицией, сохранявшей именно за заказчиком право называться создателем архитектурного памятника и позволявшей приписывать божественные атрибуты исключительно императору. В таких условиях ожидать сакрализации профессии архитектора было невозможно.

2. Технический аспект архитектурной деятельности в Ранней Византии

Как и в Древнем Риме, наиболее значимые византийские постройки возводились за счет государственных средств. В «Дигестах Юстиниана» приведено правило, в соответствии с которым запрещалось указывать на государственном сооружении какое-либо иное имя, кроме имени принцепса (т.е. императора) или того, на чьи деньги это сооружение было построено (Дигесты, 50.10.3.2) [15, с.425]. В специальном уточнении к этой норме «Дигест» обращалось внимание на то, что указывать имя наместника провинции на построенном здании также недопустимо (Дигесты, 50.10.4) [15, с.425]. Так государственные постройки способствовали, среди прочего, укреплению политического единства империи вокруг фигуры императора.

Представляется, что именно политическую цель возвышения и укрепления власти Юстиниана преследовал Прокопий Кесарийский при написании трактата-панегирика «О постройках». В этом произведении Прокопий всячески возвеличивает свершения Юстиниана, называет его строителем зданий и военных укреплений, приводит легенду о выборе Юстинианом конструктивных решений для Святой Софии²⁹. Прокопий упоминает имена архитекторов только в исключительных случаях. По всему тексту трактата мы можем насчитать только пять упоминаний: это Анфимий Тралльский и Исидор Милетский – архитекторы Святой Софии; Хрис – архитектор-разработчик укреплений и общественных сооружений в городе Даре; Иоанн и Исидор – создатели укреплений и общественных зданий города Зенобии, охарактеризованные как «помощники» императора Юстиниана³⁰.

²⁹ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 212.

³⁰ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 236.

Вместе с тем приведенное выше положение 50.10.3.2 [15, с.425] Дигест допускало строительство государственных сооружений на частные средства. Согласование принцепса в этом случае не требовалось при соблюдении следующих условий: строительными объектами не могли быть цирк, театр или амфитеатр; строительство не должно касаться соперничества с другой гражданской общиной и не должно давать повод для бунта (Дигесты, 50.10.3) [15, с.425]. Установление данных условий, подлежащих, как мы можем предположить, проверке наместником провинции, свидетельствует о разрешительном порядке строительства общественных зданий на частные средства. В этом случае наместник провинции по своему усмотрению мог принять решение, следует ли согласовывать строительство нового общественного здания на деньги частного лица. Написание имени такого лица на здании было делом большого общественного престижа, о чем свидетельствует положение 50.10.2 Дигест, в котором указывается, что зависть соотечественников не может стать препятствием к тому, чтобы имя лица, иждивением которого были завершены строительные работы, было указано на постройке [15, с.425]. Положением 50.10.2.2 Дигест наместнику провинции предписывалось охранять здания от уничтожения имен тех, кто предоставил денежные средства для их строительства и тем самым проявил щедрость к отечеству [15, с.425] (рис. 5).

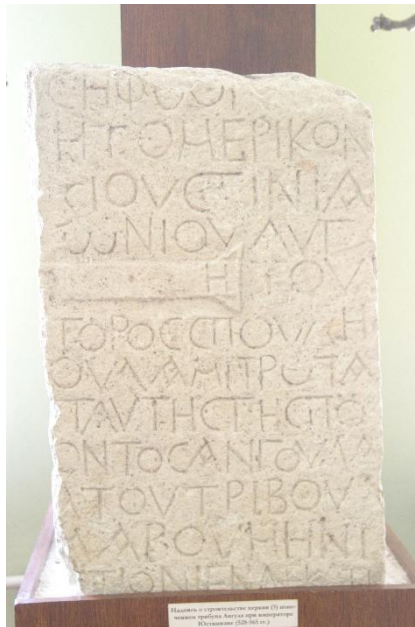

Рис. 5. Строительная надпись с указанием императора Юстиниана и имен лиц, содействовавших строительству форума в Гермонассе (VI в.)³¹

Прямой запрет на указание на государственном сооружении иных имен, кроме имени императора или лица, предоставившего финансирование для его строительства, делал невозможным увековечивание памяти автора-архитектора на возведенной постройке. Однако не все римские законы соблюдались в точности, как мы могли видеть на примере вышеприведенной императорской конституции о запрете строительства зданий на

³¹ Текст оригинала (с восстановленными фрагментами в квадратных скобках): [Τοῦτο τὸ (ε.г.) ἐν][Ερμωνάσ]ση φῶρο[ν?][ἀνεκτίθη] τὸ μερικόν, [βασιλεύον](τος) Ἰουστινιαν[οῦ τοῦ αἰ]ωνίου Αὐγ[ούστ]ου[καὶ αὐτοκρά]τορος, σπουδῆ [τ]οῦ λαμπροτά[του πατρὸς?]ς ταύτης τῆς πό[λεως, πρᾶτ]τοντος Ἀνγουλᾶ [τοῦ λαμπρο]τάτου τριβού[λου καὶ ἐργο]λάβου, μηνὶ [Μαΐω, ἰνδ]ικτίωνι ἐνδεκάτῃ. Перевод на русский язык: [Этот... в Гермонас]се форум (?) [возобновлен] отчасти [в царствование] Юстиниана, вечног[о] авгу[ста] [и само]держца, стараниями ..., светлейшего [отца (?)] этого города, [при содействии] Ангулы, [светлейшего] трибуна и подрядчика, в месяце [мае], в 11-й индикт. Источник текста и перевода: <https://gis.spbiiran.ru/latin-greece/greek-medieval-epigraphy/epigraphies/235> (дата обращения: 31.03.2026).

форумах³². Нарушался и запрет, содержащийся в положении 50.10.3.2 Дигест: так, на развалинах храма в городе Брад было обнаружено имя архитектора Юлиана, работавшего в Северной Сирии [16, с.25].

Положение 50.10.3.1 Дигест запрещало вести новое строительство на государственные средства без согласования принцепса [15, с.425]. Кроме того, работы с городскими стенами, гаванями и другими государственными сооружениями должны были производиться наместником провинции по согласованию с принцепсом (Дигесты, 50.10.6) [15, с.427]. Данное положение свидетельствовало о стремлении установить единое управление из центра империи над сооружением объектов, значимых для военных целей. Проекты строительства особо важных сооружений утверждались лично императором, как это имело место, в частности, применительно к проекту строительства города-крепости Дары – форпоста Византии на Ближнем Востоке.

В силу принципа симфонии Церкви и государства, упомянутого выше, церковные деятели принимали активное участие в строительном деле. Так, главным распорядителем строительства города Дары был поставлен епископ Фома Амидский по той причине, что у последнего были необходимые материальные ресурсы для строительства [7, с.221]. Общее руководство строительством осуществляли епископ Фома и его клирики – Кир Адон, Евтихиан, Пафнутий, Сергей и Иоанн, на которых были возложены обязанности по проверке качества работ [7, с.222].

Строительство Дары – не единственный пример, когда руководящие функции в строительстве государственного сооружения принимали на себя церковные деятели. Так, руководителем строительства Бирты-крепости был епископ Саргис [7, с.223]. Руководителем строительства комплекса благотворительных сооружений в Кесарии Каппадокийской был епископ Василий Великий [17]. Устроитель палестинских монастырей святой Савва просил императора Юстиниана построить крепости для защиты монашествующих от набегов арабов [7, с.227]. Престиж церковной деятельности во времена Ранней Византии был исключительно высоким. Богословие (наряду с юриспруденцией) считалось высшей формой человеческой деятельности, поскольку, по мнению современников, требовало особого, божественного дарования и было слишком возвышенным для обыкновенных людей [8, с.115]. Для занятий юриспруденцией было необходимо природное чувство справедливости; законоведение воспринималось как своего рода искусство, так как законы подлежат применению в зависимости от обстоятельств, которые непрерывно изменяются [8, с.115, 119].

В лестнице социального успеха на ступени ниже, чем богословие и юриспруденция, располагалось государственное управление [8, с.116], на еще одну ступень ниже, вслед за государственным управлением, была помещена деятельность в области искусства и науки, к которой принадлежала архитектура. Для специализации в области искусств и наук требовалось знание математики [8, с.121]. Представляется, именно по причине престижа математики искусный архитектор именовался механиком (*mechanikos*). Прокопий Кесарийский называл Анфимия Тралльского и Исидора Милетского «самыми знаменитыми механиками»³³. Крупнейшие архитекторы эпохи Юстиниана были одновременно и крупными учеными-математиками. Исидор Милетский, являясь, по Прокопию, «механиком», был автором комментариев к трактату Герона Александрийского «О сводах», а также редактором комментариев к книгам Архимеда [4, с.30, 31]. Историк VI века Агафий Миринейский отзывался об Анфимии Тралльском как об ученом, который применял отвлеченные геометрические спекуляции к материальным объектам и создавал модели, имитировавшие природные объекты³⁴. Представляется, что именно математические

³² Johnson M.J. *Agora* // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 38.

³³ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 229.

³⁴ Johnson M.J., Kazhdan A. *Anthemios of Tralles* // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 109.

знания позволили Анфимию и Исидору сделать храм Святой Софии вершиной античного зодчества не только с позиции его наиболее важных – интерьерных – решений, но и с точки зрения сложности конструкций: ширина пролетов больших арок в этом храме составляет около 31 метра – результат, который не смогли превзойти все последующие византийские зодчие. По мнению французского историка математики Поля Таннери, приводимому В.П. Зубовым, «Школе инженеров Юстиниана мы обязаны гораздо больше, чем философской школе Афин, за передачу произведений Евклида и Архимеда» [4, с.58].

Следует отметить, что термины *mechanikos* в значении наиболее квалифицированного архитектора и *architekton* в значении руководителя строительства, как следует из наблюдений М.Дж. Джонсона, У. Лерке, А.П. Каждана, практически исчезают после VI века и заменяются термином *oikodomos* – строитель³⁵. Отчасти данное обстоятельство может быть объяснено почти полным отсутствием строительства в Византии в промежуток с VII века до середины IX века³⁶, последовавшим после строительного бума времен императора Юстиниана, подорвавшего (наряду с многочисленными войнами) экономические возможности империи.

В традиционной для римского сознания дихотомии «империя-варвары» одним из критериев варварства являлось отсутствие строительных навыков [7, с.24]. Писатель VI века Кирилл Скифопольский называет арабов-христиан, проживавших в палаточном городке, варварами, поскольку они не могли самостоятельно, без приглашения ремесленников, построить церковь, цистерну для хранения воды и пекарню [7, с.49]. Таким образом, самого по себе принятия христианства еще не было достаточно, чтобы перестать относиться к числу варваров.

Автор хроники, описывающей строительство города Дары, упоминает следующие категории работников, принимавших участие в этом процессе:

- 1) ремесленники, рабы и крестьяне – в их задачи входила заготовка необходимых строительных материалов, в том числе выламывание и обтесывание камня;
- 2) каменщики – были квалифицированными рабочими, занимались непосредственно возведением стен;
- 3) надсмотрщики за работами – осуществляли строительный контроль;
- 4) общее руководство работами – епископ Фома Амидский и его клирики (в их задачи входило управление финансами, требуемыми для строительства) [7, с.221-222].

Непосредственно в процессе строительства архитекторы (механики) не участвовали, их задачи свелись к составлению плана строительства. Отчасти данное обстоятельство было обусловлено поспешностью строительства, о которой пишет Прокопий, из-за чего город пришлось перестраивать при Юстиниане, причем для этой цели в Дары был отправлен «искусный механик» Хрис, а советниками императора при строительстве выступили Анфимий Тралльский и Исидор Милетский³⁷. Следует отметить, что работа архитекторов по принципу «проектной команды», выражающегося в перемещении группы специалистов по мере окончания одного проекта в другой город для работы над новым проектом, была обычной практикой для Римской империи³⁸. Такого рода практика, как представляется, создавала значительное препятствие для формирования профессиональных архитекторов в церковной среде: статус монаха, клирика и тем более епископа не предполагал постоянное движение от одного объекта к другому. Вместе с тем, профессиональные архитекторы в церковной среде все же были: так, источники сохранили упоминание о священнике Евстафии – архитекторе (в соавторстве с Зенобием) базилики Гроба Господня

³⁵ Johnson M.J., Loerke W., Kazhdan A. Architect // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 157.

³⁶ Ćurčić S. Architecture // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 158.

³⁷ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 229.

³⁸ Ćurčić S. Ibidem. P. 158.

(постройка IV века, была разрушена в XI веке), а также монахе Рухасе – реставраторе Святой Софии в IX веке³⁹.

Вместе с тем, отсутствие архитекторов при первоначальном строительстве Дары было обусловлено дефицитом этих специалистов. Отсутствие необходимого числа архитекторов отмечалось еще при императоре Константине Великом [18, с.139]. Представляется, что непрофессионализм строителей был причиной обрушений ряда зданий, построенных при Константине, о которых писал историк Зосима [18, с.140]. О том, что здания нередко строились непрофессиональными строителями, свидетельствует также следующая санкция за нарушение противопожарных норм из Кодекса Юстиниана: *Книга 8, 10.12, 5е. Если солярий или лестница построены вопреки нашему закону, то, помимо того, что они подлежат сносу, домовладелец должен быть оштрафован на 10 литр золота, а архитектор или подрядчик, начавший проект, должен заплатить еще 10 литр, и, если из-за бедности строитель не может заплатить штраф, он должен быть избит палками и изгнан из города* [19, р.2051].

Помимо того обстоятельства, что строительные работы могли производиться без участия архитектора (только силами подрядчика), данная норма свидетельствует еще о невысоком статусе архитектора в принципе – как с точки зрения допускаемой законодателем неплатежеспособности по штрафу, так и с позиций возможного применения к архитектору телесного наказания. Вместе с тем, следует отметить, что названная норма упоминает только архитектора, но ничего не говорит о механике, что косвенно свидетельствует о том, что социальный статус механика был, по сравнению с архитектором, существенно более высоким.

Положение книги 10, 66.1.1. Кодекса Юстиниана содержит норму, относящую архитекторов к числу ремесленников:

Книга 10, 66.1.1. Мы постановляем, что ремесленникам, занимающимся указанными ремеслами и проживающим в городах, должно быть предоставлено освобождение от всех видов работ, если их свободное время посвящено обучению своему ремеслу, чтобы они стремились как к повышению собственной квалификации, так и к обучению своих сыновей [19, р.2627].

В примечании к данной норме перечислены ремесленники, на которых она распространяется – к ним отнесены архитекторы, врачи, ветеринары, скульпторы, художники, ткачи, красильщики, каменщики, литейщики и т.д. Обучение архитектурному мастерству, как следует из этой нормы, могло передаваться от отца к сыну и быть наследственным делом. Вместе с тем, следует отметить, что в списке ремесленников механики также не упомянуты. Способ передачи знаний «по наследству» был известен и в Древней Греции, применительно к династии архитекторов-руководителей строительства, работавших в храме Аполлона в Дельфах (Агафон – Агасикрат – Дамон) [20].

Приведенная норма Кодекса Юстиниана, содержащая правило об освобождении ремесленников от обязательных работ, в целом способствовала развитию ремесла как одного из центральных элементов городской экономики. На заре своей истории Византия была страной городов, что отличало ее от постепенно натурализовавшегося хозяйства Италии, где города пришли в упадок. Положение книги 10, 66.1.2. Кодекса Юстиниана содержит отдельное правило в отношении механиков, геометров и архитекторов, представлявших собой, по мнению В.П. Зубова, три последовательные ступени квалификации зодчего:

Книга 10, 66.1.2. Мы призываем к равному усердию в обучении и познании механиков, геометров и архитекторов, которые следят за соблюдением всех планов и чертежей и применяют измерения и расчеты в строительстве, и тех, кто посредством наглядных примеров обнаруживает направление и количество вод. Таким образом, те, кто способен учить, должны радоваться привилегиям и брать учеников для обучения

³⁹ Johnson M.J., Loerke W., Kazhdan A. Ibidem. P. 157.

[19, р.2629] (перевод представлен с учетом трактовки данной нормы Zubovым В.П. [4, с.21]).

Наличие данной нормы свидетельствует о повышенном внимании законодателя именно к обучению архитектурному мастерству, что свидетельствовало как о его значимости для государства, так и о дефиците необходимых специалистов в данной области. Следует отметить, что в этой норме упомянуты, наряду с архитекторами, также и механики. В среде механиков знания также могли передаваться внутри семьи – подтверждением тому служит пример Исидора, одного из архитекторов города Зенобии, который, по Прокопию, был племянником Исидора Милетского, архитектора Святой Софии. Этот Исидор, называемый Младшим, выполнял работы по восстановлению купола Святой Софии после его обрушения в 558 году⁴⁰. Восстановленный купол Исидором Младшим купол был воспет в цитированном выше «*Экфрасисе*» Павла Силенциария.

Следует также обратить внимание, что в цитированном выше положении Книги 10, 66.1.2 Кодекса Юстиниана говорится о соблюдении планов и чертежей. Строительство крепости, как мы видим из свидетельств об основании города Дары, предварялось составлением плана-описания – *σκάριφος*, причем данный план также составлялся механиком [7, с.104]. Модели зданий выполнялись из воска [4, с.47], а также гипса⁴¹.

Как мы отметили выше, все те же Анфимий Тралльский и Исидор Милетский выступали советниками императора Юстиниана при строительстве крепости Дары (рис. 6).

Рис. 6. Руины стены крепости Дары (VI в.)

Вместе с тем получение архитекторами придворного статуса было редкостью как в Древнем Риме, так и в Ранней Византии. В дополнение к именам, приведенным выше, следует указать архитектора Аполлодора из Дамаска, который непосредственно общался с императорами Траяном и Адрианом [21]. Кроме того, Марк Диакон, автор жития Порфирия Газского, пишет о том, что план строительства церкви в Газе на месте святилища Зевса был прислан императрицей Евдоксией⁴², женой императора Аркадия.

⁴⁰ Mango C. Hagia Sofia in Constantinople // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 893.

⁴¹ Марк (дьякон; V в.). Житие и подвизание иже во святых отца нашего Порфирия, епископа Газского / Пер. с греч. И. Помяловского. Санкт-Петербург: Православное Палестинское общество, 1895. С. 60.

⁴² Марк (дьякон; V в.). Указ. соч. С. 60.

Возросшая значимость законодательных установлений отразилась на содержании трактата сирийского архитектора VI века Юлиана Аскалонита. Помимо изложения технических норм (минимальных расстояний между зданиями различного назначения, охраны видовых раскрытий), в этом труде приводятся и решения гражданско-правовых задач в духе и стиле римских юристов, например, о распределении расходов по ремонту здания между собственниками помещений на разных его этажах [16, с.48]. Трактат Юлиана не дошел до нас полностью, но содержание оставшейся до наших дней части принципиально отличается от сочинения Витрувия, представляя собой свод нормативных правил без каких-либо попыток их теоретического осмысления, что отразилось в самом его названии – «О законе и об обычаях Палестины». По наблюдению Г.В. Алферовой, одним из наиболее важных положений трактата Юлиана Аскалонита является закон апопсии, согласно которому каждый житель города вправе требовать запрета строительства на соседнем участке, если новый дом нарушит взаимосвязи существующих жилых построек с градостроительным окружением – природой (в т.ч. морем), садами, общественными постройками и памятниками [22]. Данный византийский закон, как указывает Г.В. Алферова, отсутствовал в римском праве и впоследствии был воспринят русским архитектурным законодательством в серии «Кормчих книг» [22].

Византийские архитекторы использовали и развивали наследие античности в части технологий (приемы работы со строительными материалами – *opus vittatum* (кладка), *opus signinum* (для устройства водонепроницаемых сооружений – цистерн, водопроводов), мозаика – *opus sectile*), формо- и стилеобразования (ордерная система, эдикулы, экседры, арки, купола, барабаны), функционала построек (базилики, бани, театры, ипподромы, портики вдоль улиц, колонны в честь императоров и т.д.). По мере расширения потребностей в стройматериалах и сокращения числа ремесленников возрастала практика применения споллий (*spolia*) – использования конструкций античных зданий, чаще всего – колонн. Одна из причин повышенного внимания к декорированию интерьера – необходимость скрыть следы использования материалов других зданий, различающихся по своей окраске, как естественной, так и специально созданной (рис. 7).

Рис. 7. Порфи́ровая колонна-спо́лия (из храма Солнца в Риме) в интерьере Святой Софии. Современный вид

Центральная власть Ранней Византии уделяла внимание не только церковному и военному строительству, но и поддержанию античного уклада жизни. Так, по повелению императора Юстиниана были восстановлены бани в городе Корикосе в Киликии⁴³. Продолжая традиции римских императоров, Юстиниан приказал возвести в Константинополе триумфальную колонну в честь одержанных во время его правления побед византийской армии. Также, по свидетельству Прокопия, при Юстиниане в Константинополе были построены галереи, площади и общественные бани⁴⁴. Общественные бани в Киркесии (Месопотамия) подверглись реконструкции⁴⁵. В Зенобии (город на реке Евфрат за пределами Месопотамии) были построены общественные бани и галереи⁴⁶. В Антиохии были построены театры, бани, галереи, устроены площади⁴⁷. Повсеместно улучшалась инфраструктура водоснабжения городов – строились новые и реконструировались старые акведуки, устраивались цистерны – резервуары для воды. По Прокопию, блеск античного города складывался из его разделения площадями и галереями, устройства улиц в имеющихся проходах между зданиями, размещения водопроводов, фонтанов и цистерн, наличия театров⁴⁸. Вместе с тем строительство этих светских сооружений не ставилось в заслугу архитектору – немногочисленные упоминания Прокопия об архитекторах приводятся в контексте строительства только выдающихся объектов – христианского храма (Святая София) и военных сооружений (города-крепости Дара и Зенобия).

Заключение

Ранняя Византия – завершающий этап воспроизводства античной культуры в изменившихся условиях. Смена культурной парадигмы, связанная с утверждением христианства как господствующей религии, привела к радикальному изменению общественного устройства империи. Как и в древнейших государствах Востока, власть стала не просто сакральной, но выступила как система реальной теократии. Наследие римского язычества – низкий социальный статус архитектора – утвердилось окончательно.

Христианский Бог Ранней Византии, как и боги Древнего Рима, выступает в образе единого управителя Этого Мира – Пантократора. В этом статусе Бог и его наместники на Земле становятся главными лицами архитектурной деятельности и, в первую очередь, заказчиками. Именно им, за редким исключением, законодательно приписываются все сколько-нибудь значительные постройки. На страницах трактата Прокопия Кесарийского автор, описывая Святую Софию, говорит, что «не человеческим могуществом или искусством, но Божиим соизволением завершено такое дело». Подобные формулы христианской традиции сохранились в обиходе до нашего времени.

Единственный слабый след античного понимания божественного покровительства по отношению к архитектурной профессии, сохранившийся в Ранней Византии, – это образ Софии-Премудрости Божией, наследницы Афины Полиады (*Ἀθηνᾶ Πολιάς*), покровительницы наук и искусств. Наследием эллинистической традиции Александрии является термин «механик» (*mechanikos*), обозначающий высшую категорию в статусе архитектора. Сам термин «архитектор» (*architekton*), по существу, вышел из употребления и сменился термином «строитель» (*oikodomos*).

В техническом плане требования к квалификации архитектора возросли не только в части необходимости овладения математическими и техническими знаниями, но и в части освоения существенно увеличившегося массива законодательных норм, относящихся к архитектуре. Городское строительство становилось все более регламентированным, о чем свидетельствует написание архитектором Юлианом Аскалонитом трактата *О законе и об*

⁴³ Foss C.F.W. *Korykos* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York-Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 1150.

⁴⁴ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 224.

⁴⁵ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 233.

⁴⁶ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 236.

⁴⁷ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 239, 240.

⁴⁸ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 240.

обычаях Палестины» – первого из известных к настоящему времени архитектурных трактатов, посвященных правовому регулированию архитектурной и градостроительной деятельности.

Усложнение квалификационных требований повлекло за собой потребность в достижении необходимого уровня образования, что в перспективе могло бы вызвать повышение социального престижа архитектурной профессии, представители которой в большинстве своем (за исключением выдающихся специалистов, работавших над важнейшими государственными постройками) относились к числу ремесленников. Однако времени для этого уже не осталось: постепенный упадок городской жизни, выразившийся в практически полном прекращении нового строительства к VII веку, привел к тому, что античная архитектурная традиция в Византии прервалась. Возобновление строительства в середине IX века было осуществлено уже на иных основаниях.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL: а) <https://churchofcyprus.org.cy/6649> (дата обращения: 31.03.2026); б) URL: <https://icons.pstgu.ru/icon/2036> (дата обращения: 31.03.2026).

Рис. 2. URL: <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=2102> (дата обращения: 31.03.2026).

Рис. 3. URL: <https://www.hagiasophia.gen.tr/photos/> (дата обращения: 31.03.2026).

Рис. 4. URL: <https://www.icon-art.info/hires.php?type=1&id=6440> (дата обращения: 30.03.2026).

Рис. 5. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.329-ru.html> (дата обращения: 31.03.2026).

Рис. 6. Архив ст. преподавателя М.Ю. Веденёва.

Рис. 7. URL: <https://romeartlover.it/Istanbu1.html> (дата обращения: 31.03.2026).

Список источников

1. Фрейберг Л.А. Византийская литература IV-VI вв. / Л.А. Фрейберг, Т.В. Попова // Памятники византийской литературы IV-VI веков. Москва: «Наука», 1968. 350 с.
2. Аверинцев С.С. На перекресте литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы) // Другой Рим. Избранные статьи. Санкт-Петербург: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 24.
3. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского. Ответственный редактор Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. Москва: «Статут», 2008. С. 47.
4. Зубов В.П. Труды по истории и теории архитектуры // Библиотека журнала «Искусствознание». Вып. III. Москва: «Искусствознание», 2000. 528 с.
5. Аверинцев С.С. Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Москва: «Наука», 1984. С. 42-77.
6. Унт Я. Экзегетический комментарий // Марк Аврелий Антонин. Размышления. Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1985. С. 182.
7. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI веках. Москва-Ленинград: «Наука», 1964. 336 с.
8. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1946. 291 с.
9. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Том 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим). Москва: Издательство литературы по строительству, 1973. С. 437. Автор статьи М.Б. Михайлова.

10. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. Т. 2. Москва: ЗАО «Центрполиграф», 2003. С. 417.
11. Александрова Т.Л. Изображение света в «Экфрасисе Св. Константинопольской» Павла Силенциария // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 1. С. 82–99. URL: <https://studlit.ru/index.php/ru/arkhiv/83-2023-tom-8-1/1183-izobrazhenie-sveta-v-ekfrasis-e-sv-sofii-konstantinopolskoj-pavla-silentsiariya> (дата обращения: 22.04.2026).
12. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. Санкт-Петербург: «Азбука-классика», 2004. С. 416.
13. Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 40.
14. Комеч А.И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве // *Визуальная теология*. 2019. №1. С. 130-144. URL: <https://visualtheology.ru/index.php/journal/article/view/17> (дата обращения: 22.04.2026).
15. Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. Москва: «Статут», 2005. 564 с.
16. Сизюмов М.Я. О трактате Юлиана Аскалонита // *Византийские этюды*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 396 с.
17. Аверинцев С.С. Василий Кесарийский // *Памятники византийской литературы IV-VI веков*. Москва: «Наука», 1968. С. 45.
18. Шуази Огюст. Строительное искусство древних римлян. Перевод с французского А.А. Сапожниковой и В.Н. Калиш. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1938. 168 с.
19. Frier B.W, ed., *The Codex of Justinian: A New Annotated Translation with Parallel Latin and Greek Text*, 3 vols., Cambridge: Cambridge University Press, 2016. Vol. 3, pp. 2024-3176.
20. Веденёв М.Ю. Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть II. Древняя Греция / М.Ю. Веденёв, Н.Л. Павлов // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2025. №3(72). С. 11-24. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/3kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-3-11-24 EDN: AGPZXY С. 19.
21. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV-LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. С. 127.
22. Алферова Г.В. «Кормчая книга» как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства: ее влияние на художественный образ и планировку русских городов // *Византийский временник*. Том 35 (60). Москва: «Наука», 1973. С. 197.

References

1. Freiberg L.A., Popova T.V. *Vizantiyskaya literatura IV-VI vekov* [Byzantine literature of the 4th-6th centuries]. Moscow, 1968. 350 p.
2. Averintsev S.S. *Na perekrestke literaturnykh traditsiy (Vizantiyskaya literatura: istoki i tvorcheskiye printsipy)* [At the Crossroads of Literary Traditions (Byzantine Literature: Origins and Creative Principles)]. Saint Petersburg, 2005, p. 24.

3. Digesta Iustiniani. Libri I-IV. Translated from Latin, Moscow, 2008, p. 47.
4. Zubov V.P. *Trudy po istorii i teorii architektury* [Papers on the on the history and theory of architecture]. Moscow, 2000. 528 p.
5. Averintsev S.S. *Evolutsiya filosofskoy mysli* [Evolution of philosophical thought]. Moscow, 1984, pp. 42 – 77.
6. Unt Ya. *Ekzegeticheskiy kommentariy* [Exegetical commentary on Marci Avrelii ad se ipsum libri XII]. Leningrad, 1985, p. 182.
7. Pigulevskaya N.V. *Araby u granits Vizantii i Irana v IV-VI vekakh* [Arabs at the borders of Byzantium and Iran in the 4th-6th centuries]. Moscow-Leningrad, 1964. 336 p.
8. Pigulevskaya N.V. *Vizantiya i Iran na rubezhe VI u VII vekov* [Byzantium and Iran at the turn of the 6th and 7th centuries. Moscow-Leningrad, 1946. 291 p.
9. *Vseobchaya istoriya arkhitektury* [History of Architecture]. Volume 2. (Greece and Rome). Moscow, 1973, p. 27. The author of the chapter – Mikhailova M.B.
10. Brunov N.I. *Ocherki po istorii architektury* [Essays on the history of architecture]. Volume 2. Moscow, 2003, p. 417.
11. Aleksandrova, T.L. "The Image of Light in the 'Ekphrasis of the Hagia Sophia' by Paul the Silentiary." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 1, 2023, pp. 82–99. (In Russ.) Available at: <https://studlit.ru/index.php/ru/arkhiv/83-2023-tom-8-1/1183-izobrazhenie-sveta-v-ekfrasisе-sv-sofii-konstantinopolskoj-pavla-silentsiariya>
12. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Saint Petersburg, 2004, p. 416.
13. Pavlov N.L. *Altar'. Stupa. Hram. Arhaicheskoe mirozhdanie v arhitekture indoevropejcev.* [Altar. Stupa. Temple. The archaic universe in the architecture of the Indo-Europeans]. Moscow, 2001, p. 40.
14. Komech A.I. *Simvolika architecturnykh form v rannem khristianstve* [Symbolism of Architectural Forms in Early Christianity]. Veliky Novgorod, 2019, pp. 130-144. Available at: <https://visualtheology.ru/index.php/journal/article/view/17>
15. Digesta Iustiniani. Libri XLVIII-L. Translated from Latin, Moscow, 2005. 564 p.
16. Sizyumov M.Ya. *O traktate Yuliana Askalonita* [On the treatise of Julian of Ascalon]. Yekaterinburg, 2002. 396 p.
17. Averintsev S.S. *Vasilij Kesariyskiy* [Basil of Caesarea]. Moscow, 1968, p. 45
18. Choisy A. *L'art de bâtir chez les Romains*. Traduction du français, Moscou, 1938. 168 p.
19. Frier B.W, ed., *The Codex of Justinian: A New Annotated Translation with Parallel Latin and Greek Text*, 3 vols., Cambridge: Cambridge University Press, 2016. Vol. 3, pp. 2024-3176.
20. Vedenev M.Yu., Pavlov N.L. Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part II: Ancient Greece. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no. 3(72), pp. 11-24. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/3kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-3-11-24 EDN: AGPZXY
21. Dionis Cassii Cocceiani *Historia Romana*. Libri LXIV-LXXX. Translation edited by A.V. Makhlayuk. Saint Petersburg, 2011, p. 127.

22. Alferova G.V. *Kormchaya kniga kak tsenneyshiy istochnik drevnerusskogo gradostroitel'nogo zakonodatel'stva: eyo vliyaniye na khudozhestvenniy obraz i planirovku russkikh gorodov* [The Kormchaya Book as a valuable source of ancient Russian urban planning legislation: its influence on the artistic image and planning of Russian cities]. Moscow, 1973, p. 197.

ОБ АВТОРАХ

Веденёв Михаил Юрьевич

Магистр юриспруденции, магистр строительства, старший преподаватель кафедры «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
m.vedenev@markhi.ru

Павлов Николай Леонидович

Доктор архитектуры, профессор, кафедра «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; советник РААСН; действительный член Русского географического общества
pavlovn@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vedenev Mikhail Yu.

Master of Jurisprudence, Master of Construction, Senior Lecturer at the Department «Architectural Practice», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
m.vedenev@markhi.ru

Pavlov Nikolay L.

Doctor of Architecture, Professor, Department of Soviet and Modern Foreign Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; Advisor to RAASN; Full Member of the Russian Geographical Society
pavlovn@mail.ru